

СУХБАТ АФЛАТУНИ

СУХБАТ АФЛАТУНИ

ГЛИНЯНЫЕ БУКВЫ, ПЛЫВУЩИЕ ЯБЛОКИ

Москва
2020

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А94

Художественное оформление серии *Алексея Дурасова*

Афлатуни, Сухбат.

А94   Глиняные буквы, плывущие яблоки / Сухбат
Афлатуни. — Москва : Эксмо, 2020. — 384 с.

ISBN 978-5-04-201832-9

Миры узбекского писателя Сухбата Афлатуни причудливы, как миражи в пустыне. Они искусно мимикрируют под реальность, но как только читателю кажется, что он приблизился и готов погрузиться в обычный, конкретный жанр, автор развеивает марево, и оказывается, что стереотипы здесь не работают. Представленные в сборнике повести тому яркое подтверждение. В «Глиняных буквах, плывущих яблоках» новый Учитель приезжает в далекий поселок, чтобы научить детей древнему загадочному алфавиту и с его помощью вернуть людям воду, которую отобрал алчный Председатель. В повести «Пенуэль» патриарх, глава некогда большой семьи Яков — это, конечно, библейский Иаков. С одной стороны, он пережил весь противоречивый и кровавый XX век и умер в сто шесть лет. С другой стороны, его мытарства и жизненные устремления не уникальны, все повторяется и имеет аналогии вплоть до ветхозаветной истории, и главным для человека всегда было продление рода. В «Годе Барана» рассказ о «новых временах» превращается в притчу о том, что каждому воздастся по грехам его.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Афлатуни С., текст, 2020
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-201832-9

ГЛИНЯНЫЕ БУКВЫ, ПЛЫВУЩИЕ ЯБЛОКИ

Часть первая

Алейг. Яхиль.
Сардош. Марафлион. Вараам.
Уже почти всё забыл, скребу затылок и не вспоминаю. Зачем ему нужны были эти буквы? Какую роль сыграла в этом женщина в желтой маске?

Кто-то из ангелов на небе это знает. А может, даже он не знает.

Юрудж, Шафхор, Барфаид. Осс, Кижжир, Юприхам, Форфур...

Каждый вечер перед сном я повторяю эти звуки. Иногда я зову семью, мы пьем воду и читаем эти записки. Дети зевают. Жена водит сухим платком по лицу. Где-то поют птицы, летучие мыши, сверчки.

Хукут, Ёриол, Катахтам.

1

Он пришел к нам вместе с дождем. Мы все удивились, когда он пришел.

Но шел дождь, и мы решили, что приход этого человека — тоже добрый знак.

У нас ведь жизнь какая? От дождя — до дождя. Не нравится такая жизнь — до свиданья, за руку не хватаем.

Или, как русские говорили: «Пусть на твоей дороге скатерть валяется».

Хорошо говорили, мастера слова. Только потом все состарились и стали друг друга хоронить. Нам не доверяли, вера у них другая, хотя зря — Бог один, они тоже так считают.

Если честно, у нас один бог, это — вода. Другого нам природа пока еще не придумала.

Теперь — попрошу: закройте глаза.

Закройте, не бойтесь, ничего плохого не сделаю. Для рассказа нужно. Закрыли?

Дерево!

Дерево, яблоня: серая, как камень, можете все ветки ощупать — ни листика. Может, вы еще какое-нибудь яблоко от него захотели? Забудьте. Я уже вспотел одно и то же всем повторять: нет, нет, нет у нас воды. От этого и яблок нет. И если у вас в кармане еще и стакан спрятан, выбросите лучше. У нас не любят тех, кто со стаканами ходит. По-нашему это называется: «умничать».

Устали представлять себе дерево? Это только начало.

Дерево стоит, сухое и беспомощное.

У него четыре главные ветки и несколько подчиненных. На одной главной ветке сидит Золото и смотрит на небо через бинокль, в котором нет ни одного стеклышка. Стеклышки давно отправились в отцовские очки, их туда кузнец из соседнего села вместо треснутых приделал. Но без этих стеклышек бинокль тоже работает. Он теперь, как замочная скважина в двери у Председателя, только еще лучше. В двери одна скважина, и на небо сквозь нее

ГЛИНЯНЫЕ БУКВЫ, ПЛЫВУЩИЕ ЯБЛОКИ

не посмотришь, а тут — вот тебе небо, подсматривай на здоровье.

Золото разглядывает небо, пытаясь найти на нем что-нибудь интересное. Дождь, например. Вы знаете, такие облака есть: на вид ничего особенного. А подплывают — такой дождь начинается, что вся школа бежит чайники и ведра набирать. В суматохе можно даже подражаться от радости, в мокрой глине поваляться.

Веткой выше висит клетка с беданой¹. Клетка замата на платком, чтобы бедана не хотела из нее уйти, не портила себе о прутья крылья, а сидела внутри и распевала задумчивые, лиричные песни. У нас в селе эту птицу очень уважают.

Пропускаем две пустые, ничем не знаменитые ветки и попадаем на последнюю.

На ней висит радио, похожее на клетку с беданой. Когда-то радио умело петь и передавать новости. Теперь оно только шуршит — как осенний виноградник, после того как с него срежут все недоклеванные птичьей жадностью гроздья.

И наконец наверху, к тому месту, где обрезанный ствол трется о шершавое небо, прибита вертушка. Ей, конечно, кроме ветра, ни до чего другого дела нет. Ну, этого богатства у нас просто горы: постоянно что-нибудь дует.

Пока я буду рассказывать, вертушка будет крутиться. В один момент, конечно, перестанет, но я об этом тут же вам громко скажу: смотрите, вертушка! И вы посмóтрите.

А пока — тыр-тыр одно от нее, и никаких других впечатлений.

---

¹ Перепелка.

Золото поет какую-то взрослую песню и болтает ногами, как спортсмен.

«Тип, тип-тип», — подпевает ему из-под платка бедана. Всем хочется пить.

К этому дереву он вначале и подошел.

Лил дождь. Дерево, наглотавшись воды, стало черным. Клетку с беданой чьи-то шустрые руки успели унести, а радио еще продолжало качаться и передразнивать своим шипением дождь.

Он посмотрел вверх, где под ливнем гордо крутилась вертушка.

Потом сделал несколько шагов, удивленно обходя чайники, ведра и кастрюли, которыми было заставлено всё пространство. Люди ловили в них дождь.

У него не было зонта, и ливень делал с ним всё, что хотел.

Брюки, в которых он приехал, уже давно намокли; то же самое сделали и трусы. У человека с мокрыми трусами, даже если они намокли не по его вине, лицо виноватое.

На лице у него тоже было много воды. Она текла по лбу, просачивалась сквозь брови и бежала вниз, используя нос в качестве желобка.

Нос у него был прямой. С такими носами, по правде сказать, в дождь неудобно.

И тут его, чужака, увидел Золото. Испугавшись, бросился домой. Его крик просачивался сквозь глиняные стены: «Отец, отец, там чужой пришел!»

Дом затих, заглатывая и переваривая эту новость.

Зачавкали калоши.

Отец Золота, Сабир, вышел, осторожно улыбаясь.

Потом они о чем-то поговорили и вместе исчезли за мокрым забором.

2

Слух о приезде нового учителя щекотал всё село. Люди выходили на улицу, вглядываясь в ослабевший дождь.

Хотя все и так уже знали, что он сидит в гостях у Сабира, его мокрую одежду сушат женщины, а Сабир дал гостю халат. Учитель не имеет права быть голым.

Мы вышли на улицу; над селом стояла музыка из ведер и кастрюль, люди наполняли свои колодцы. Потом мы подошли к бывшему арыку, посмотрели, как в нем мусор плавает. Всем не терпелось поговорить об учителе.

Разговор как-то не начинался. Выходила только тишина и хлюпанье по грязи. Вообще, я заметил — после дождя разговаривать бывает трудно.

Наконец шурин Председателя сказал:

— Говорят, у него светлые волосы.

Мы все посмотрели на шурина. Эх... И двор у него двенадцать соток, и три коровы, одна недавно отелилась, а как начнет говорить — просто смеяться и убегать хочется. Какая, скажите, разница, какие у учителя волосы? Это разговор парикмахера, а ты всё-таки шурин Председателя, понимай свое положение.

Но кто-то вдруг сказал:

— М-да, к светловолосому учителю я своих детей не отдам...

И кто это сказал? Бездетный Муса.

Любит он над своим горем шутить. Мы тоже рассмеялись, нехорошо было после шутки молчать. Я похлопал его по плечу:

— Муса, тебе надо в город поехать, там наука чудеса делает. Говорят, из плевка ребенка могут сделать или даже из волоса. Главное — чтобы пробирка была. В газетах это «генная инженерия» называется. Надо только

помолиться, чтобы через эту инженерию тебе чего-нибудь чужое не подсунули. Молитва большие дела делает.

— Да! — кивнул Муса, глядя себе под ноги с таким упорством, будто хотел до центра Земли доглядеться.

Помолчал. Потом еще раз согласился:

— Да. Еще бы таким богатым стать, чтобы в город спокойно ездить.

— А ты у учителя спроси, — посоветовал кто-то. — Он только что из города, может, об этих детях слышал или даже видел, как они из пробирки вылезают. Учителя с врачами часто общаются.

— Да, профессии похожие, — согласились все. — А всё-таки учителя со светлыми волосами тяжело себе представить.

В такой приятной научно-популярной беседе мы дошли до яблоневого сада.

Сад был бывшим.

Яблони, которые когда-то стояли в нем, были любительницами воды. А ее у нас на людей не хватает, куда еще на любительниц тратить?

Говорят, в то жаркое лето разум деревьев помутился. Некоторые вдруг стали просить милостыню, деревянным своим шепотом. «Води-и-ии... Во-ди-ии...» Муса слышал, ночью мимо проходил. Некоторые яблони, обшарив корнями почву и не найдя в ней ни капли, стали нападать на людей. Которые мимо с водой двигались, особенно на женщин. На старую Хабибу напали, когда она из соседнего села, от родственницы, воду несла и подарок семье. Веткой ее по голове ударили, ведро из рук выскочило, вода прямо на корни пошла. Дереву — удовлетворение.

Поэтому пришлось всё это мелкое хулиганство вырубить. Яблони и так наполовину умерли, яблок от них